Ю. В. Егорова

МГУ, Москва

О СТИЛИСТИЧЕСКОЙ НЕОДНОРОДНОСТИ В РЕЧИ МИГРАНТОВ

1. Введение

Городское сообщество Москвы этнически разнородно. Значительную часть этого сообщества составляют трудовые мигранты, некоторые из них хотели бы получить российское гражданство и стать постоянными жителями. Несколько лет назад в фокусе обсуждения лингвистов был вопрос об экзамене по русскому языку [Барышникова 2014, Козьменко 2014, Клобукова 2015]. Для многих мигрантов, особенно неквалифицированных, этот экзамен был и остается большой проблемой. Однако среди трудовых мигрантов из бывших республик Советского Союза есть большой процент тех, кто не испытывает серьезных трудностей с русским языком. Интересно, что это не только пожилые люди и люди среднего возраста, чье хорошее владение русским языком объясняется полученным в Советском Союзе образованием, обязательным элементом которого был русский. Это и достаточно молодые люди (25–40 лет), выросшие в семьях, где русский язык использовался наряду с родным как активное средство коммуникации, или получившие русскоязычное образование, как среднее, так и высшее, или продолжительное время живущие в России, часто с семьями, при этом остающиеся в статусе трудовых мигрантов. Чаще всего именно они становятся респондентами социологических опросов: они понимают и говорят по-русски свободно, у них есть опыт проживания в мегаполисе и общения с государственными институтами, и тем самым они интересны социологам.

Одно из таких исследований было выполнено в рамках проекта Института социального анализа и прогнозирования РАН-ХиГС в 2016 г. в пяти крупных российских городах, являющихся

центрами регионов, наиболее массово привлекающих иностранных трудовых мигрантов: Санкт-Петербурге, Москве, Екатеринбурге, Новосибирске, Владивостоке. В каждом городе были проведены глубинные интервью с мигрантами, по результатам этого исследования был сделан доклад Ю. Ф. Флоринской на конференции по проблемам развития экономики и общества в апреле 2017 г., опубликована статья [Florinskaya 2018]. Именно подкасты этих интервью в Москве были использованы в качестве материала в данной работе (10 интервью).

Жанр интервью предполагает продолжительную свободную беседу с респондентом, в ходе которой строго не регулируются ни затронутая тематика, ни список вопросов, ни поведение интервьюера. Однако социальные статусы респондента, трудового мигранта в Москве, и интервьюера, не скрывающего, что беседа носит исследовательский характер, определяют ее ход. Разговор в большинстве случаев посвящен личным обстоятельствам респондента, получению им необходимых для работы в столице документов, а интервьюера говорящий воспринимает если не как представителя власти, то как субъекта, который способен оказать влияние на написание законов и миграционных правил.

При анализе текстов были сделаны некоторые допущения. Во-первых, респонденты в данных интервью не представляли собой репрезентативную выборку. Соотношение их этнического происхождения и аналогичного параметра для зарегистрированных трудовых мигрантов Москвы не совпадало. Поэтому приводимые примеры и заключения, скорее, являются приглашением к разговору, а не установлением закономерностей. Во-вторых, было допущено, что на речевой портрет мигранта с точки зрения выбора стилистических средств не влияет его родной язык. Этнолекты Москвы отличаются друг от друга прежде всего фонетикой, морфологией, синтаксисом, лексикой, а их стилистическая дискурсивная практика может быть условно рассмотрена как единое целое и зависеть прежде всего от уровня образования респондента и его образа жизни.

Именно возможностью второго допущения и объясняется объект представляемого анализа при условии, что его автор не знает ни таджикского, ни киргизского, ни молдавского (румынского), ни украинского языков. Этим объектом стала стилистическая характеристика речи московского мигранта.

Анализируемый материал — 10 интервью трудовых мигрантов; среди респондентов — 5 женщин, 5 — мужчин; 3 — из Киргизии, 3 — из Таджикистана, 2 — из Молдовы, 1 — из Узбекистана и 1 — из Украины. Гендерная, как и этническая характеристика респондентов не отражает пропорционального распределения в столичной трудовой миграции, являющейся прежде всего мужской. Полученные профессии и образование, занятость у респондентов самые разнообразные. Среди них бывший таджикский чиновник, а теперь лидер профсоюза в Москве, таксист, грузчик и домохозяйка; некоторые окончили только среднюю школу, но одна из респонденток работала ведущим экономистом в Киргизии. И это еще один повод считать выборку нерепрезентативной для социолингвистики.

2. Постановка вопроса

Лингвостилистика — область языкознания, тесно связанная с социологией. Именно она часто объясняет выбор той или иной стилистически маркированной языковой единицы экстралингвистическими обстоятельствами. Вводя понятия стилистического задания и стилистического эффекта, Т. Г. Винокур замечает, что они «уводят нас из области внутренних закономерностей языкового употребления в область его экстралингвистической обусловленности» [Винокур 1980:88]. Завершая рассуждения о сущности этих двух понятий, ученый дает определение первого, обращая внимание на то, что оно может быть связано прежде всего с социальными факторами: «Стилистическое задание, таким образом, — это выразительное намерение говорящего, представленное нам в высказывании, выявленное стилистическим анализом состава этого высказывания и затем объясняемое при помощи совокупности факторов, связанных с общественным функционированием языка» [Там же: 90]. Мигрантов, авторов рассматриваемых текстов, условно можно объединить в одну социальную группу на основе общности положения в «чужом» мегаполисе. Благодаря этому допустимо и интересно проследить, какие стилистически маркированные единицы они используют, чем объясняется их употребление, как это связано с особенностями коммуникации.

Рассматривая случаи смены стиля, М. В. Панов приходит к выводу, что в стилистике «обнаруживаются позиционные зависимости» [Панов 2004а: 35], при этом законы продуцируемого

текста могут как ограничивать смену определенных стилистических средств, так и оправдывать ее. Стилистическое разнообразие, или стилистическая неоднородность, — характерная черта многих речевых жанров, воспринимается скорее как норма, а не отклонение от нее [Литневская 2010]. Не случайно этому аспекту уделяется внимание при анализе не только художественных или публицистических текстов, но и научного и юридического дискурса [Халютина 2014]. Стилистическую характеристику текста М. В. Панов предлагает рассматривать как «дополнительное сообщение, осложняющее то, что заключено в лексических значениях слов и в их грамматических сцеплениях» [Панов 2004б: 113]. Прибегая к подобному сообщению, говорящий нарушает типичность, стабильность, стандарт речевых жанров, а на первый план выходит эстетическая ценность, индивидуальность речевого поведения.

При выборе стилистически маркированной единицы говорящий, таким образом, может руководствоваться, во-первых, языковым опытом социума, а во-вторых, индивидуальным стилистическим заданием. Но это преимущественно касается носителей языка. В случае же с мигрантом, для которого русский язык, несмотря на высокий уровень владения им, все же не родной, мы, скорее всего, будем наблюдать прежде всего ориентацию на чужой опыт. Не случайно сами мигранты называют сознательный повтор одной из ведущих стратегий освоения русского языка:

- (1) *«Мы пока едем, я буду разговаривать, потому что я некоторые слова неправильно могу говорить, некоторые буквы не могу вставить, а когда он говорит — мне легче, я за ним 2–3 раза **повторяю** и говорю эти слова, мы пытаемся без акцента разговаривать, сейчас стимул такой — разговаривать без акцента»*¹. (М., Киргизия)

В статье предлагается заменить ставшее устойчивым словосочетание «стилистическая неоднородность» на словосочетание «стилистический микс», имея в виду, что в речи мигрантов нередко бывает представлено, скорее всего, неосознанное сочетание единиц

¹ Все примеры, если это отдельно не оговаривается, взяты из расшифрованных подкастов интервью. Сохранены оригинальные орфография и пунктуация. В скобках отмечены гендерная и этническая принадлежность говорящего.

разных стилистических пластов. Понятие стилистического, или стилевого, микса распространено в искусствоведческом дискурсе, когда речь заходит об архитектуре, дизайне.

- (2) **Стилистический микс** *Lanvin Осень-Зима 2014–15* (<https://wfc.tv/stilisticheskij-miks-v-kollekcii-lanvin-osen-2014>).
- (3) **Дерзкий стилевой микс**: сочетание неоклассики, лофта, брутализма и ар-деко в интерьере (<https://www.ivd.ru/dizajn-i-dekor/kvartira/derzkij-stilevoj-miks-sochetanie-neoklassiki-lofta-brutalizma-i-ar-deko-v-interere-21816>)

На смену научному термину «эkleктика», подчас употребляющемуся с отрицательной коннотацией (особенно в архитектуре), пришло современное словосочетание с главным заимствованным словом. Стилистический микс подобен фьюжену в ресторанном дискурсе, соединение разнородных элементов не только утратило отрицательную коннотацию, но даже, напротив, стало модным трендом.

Даже при поверхностном анализе речевого поведения мигрантов заметна стилистическая неупорядоченность, микс, соединение единиц разных стилей, что объясняется не индивидуальным стилистическим заданием и его реализацией, а клишированием речевых образцов, характерных для определенных коммуникативных ситуаций. Отвечая на конкретный вопрос интервьюера, говорящий возвращается к актуальной для себя коммуникативной ситуации, воспроизводит единицы высказываний ее участников. Так происходит при обращении к темам оформления документов, устройства на работу.

3. Стилистические пласты в речи мигрантов

Очевидно, что не просто достаточное, но хорошее владение русским языком в представлении мигрантов является обязательным условием их успешной интеграции. При этом важным источником информации и совершенствования русского языка становится интернет:

- (4) *«Недавно читал в интернете амнистию пересмотрят»* (М., Таджикистан)

- (5) *«Сейчас мигранты **через сайты** одноклассники, фейсбук в интернете много чего **читают**. Стали более грамотные чем раньше».* (М., Таджикистан)

Русский язык знают благодаря коммуникации в семье, в которой выросли, с соседями, совершенствуют его тоже не благодаря курсам и учебникам, а благодаря живому общению.

- (6) *«Когда я приехал я практически не знал русского языка сейчас уже выучился. Когда вы живете здесь вы воспринимаете их культуру и живете как они одеваются, общаетесь без этого никак»* (М., Узбекистан)

Анализируемые тексты не уникальны: еще в 2012 году В. В. Баранова отмечала: «Никто не упоминал о курсах, репетиторах или других подобных способах изучения языка, большинство информантов никогда не прибегали к помощи словаря или грамматики» [Баранова 2012: 162]. Это еще раз подчеркивает, что в речи мигрантов копируется использование той или иной стилистической единицы, прежде услышанной от кого-то.

Представленный стилистический анализ трудно назвать полным и исчерпывающим. Скорее, мы хотели обратить внимание на активное использование мигрантами определенных стилистических пластов. Задачи данного анализа —

- 1) зафиксировать стилистически маркированные единицы, активно используемые мигрантами;
- 2) проследить системные отношения между выделенными единицами;
- 3) попытаться увидеть мотивацию говорящего.

Первое прочтение подкастов показывает, что ответы мигрантов не представляют собой текста, который можно было бы отнести к одному функциональному стилю, впрочем, как и большинство текстов, особенно устных, носителей русского языка. Говоря о стилистически маркированных единицах, мы хотели бы использовать какую-то единую систему словарных помет, принятую в российской лексикографии. К сожалению, «очевидно, что в традиционных для русского языка словарях выбор стилистических помет достаточно произволен и не всегда упорядочен» [Колтунова 2003: 125]. Поэтому нам показалось целесообразным прибегнуть к достаточно

условным рабочим атрибуциям. Среди маркированных единиц выделяются следующие группы:

- 1) официально-деловые;
- 2) разговорные;
- 3) просторечные;
- 4) грубо-просторечные.

3.1. Единицы официально-делового стиля

Прежде всего поражает активное использование единиц официально-делового стиля, в редких случаях уместных в устном интервью, даже если речь заходит об обсуждении официальных ситуаций. Но трудовые мигранты — частые участники официального общения, когда их собеседники и, соответственно, речевые образцы — государственные чиновники, которым также свойственна эта черта. Описывая проблемы, связанные с официальной коммуникацией, говорящие естественно и закономерно воспроизводят речевые клише документооборота:

- (7) «*Мой работодатель Каримов давал заявку*» (о работе) (Ж., Киргизия)
- (8) «*Обратиться за консультацией с проблемами*» (о профсоюзе) (Ж., Киргизия)

Использование глагольно-именных словосочетаний (*подавать*² *заявку, обратиться за консультацией*) вместо глаголов (*заявлять, проконсультироваться*) — характерная черта текстов, относящихся к официально-деловому стилю. Вряд ли мигранты сами пишут заявления, прошения, они пользуются помощью русскоговорящих консультантов и воспроизводят запомнившиеся единицы. Такое употребление стилистически маркированных единиц во многих случаях объясняется темой разговора: речь идет об оформлении документов, регистрации, получении гражданства, устройства на работу. Но эта же черта прослеживается, когда разговор касается и обиходно-бытовой сферы:

- (9) «*Целью поездки было погостить у мамы*» (Ж., Молдова)

² Ошибочное использование беспрефиксного глагола *давать* вместо *подавать* не является предметом стилистического анализа.

Такая форма высказывания швеи из Молдовы может быть объяснена несколькими мотивами. Во-первых, вопрос интервьюера звучит так: «И какая цель вашей поездки?». Опрашиваемая просто частично повторяет речевой образец спрашивающего. Во-вторых, видя в собеседнике представителя власти, она стремится соответствовать официальной ситуации — в данном случае можно предполагать феномен стилистического задания. Правда, это объяснение опровергает использование этой же респонденткой просторечных выражений, которые не соотносятся с предполагаемым стремлением оставаться в рамках официального общения. В-третьих, использование единиц официально-делового стиля в обыденных ситуациях, так называемый «канцелярит», говорит о том, что автор высказывания недостаточно владеет стилистикой языка:

- (10) *«Каков **механизм** в будущем в **сфере миграции** можете сказать?* (М., Таджикистан);
- (11) *«Гражданство получить очень сложно, главное чтобы открыли дорогу в **рабочую сферу**»* (М., Таджикистан)

Многие высказывания, содержащие единицы официально-делового стиля, напоминают заполнение анкеты и воспроизведение ее речевых клише.

- (12) *«Я швея, замужем, **имею** ребенка»* (Ж., Молдова)

При этом в самом начале разговора с респонденткой (пример 12) социолог-интервьюер несколько раз упоминает о неформальном характере беседы, даже настаивает на этом условии. Но, отвечая на вопрос, женщина просто копирует строку из многочисленных анкет. Употребление официальных лексем и конструкций говорит о возвращении их автора к формальной ситуации или желанию опрашиваемого выглядеть лучше перед интервьюером (хоторнский эффект [Gillespie 1991]). И в том и в другом случае дальнейшую информацию, полученную от респондента, трудно считать соответствующей реальному положению дел, кроме анкетных данных, конечно. Желание обыденную ситуацию описать с помощью лексических единиц официального стиля свойственно не одной респондентке. На вопрос, поддерживает ли опрашиваемая связь с родиной, другая женщина отвечает:

- (13) *«Родители в данное время там находятся»* (Ж., Киргизия)

Некоторые единицы официального стиля свидетельствуют об индивидуальных особенностях речевого портрета мигранта. Так, в примере (14) мужчина, работающий таксистом, рассказывает об устройстве детей в школу и употребляет словосочетание «поставила задачу»:

- (14) *«Жена **поставила задачу**»* (о приеме детей в школу) (М., Киргизия)

Это словосочетание явно демонстрирует знакомство говорящего с военно-чиновничьим профессиональным жаргоном, его разговорным вариантом. Жесткая иерархическая структура привычной среды заставляет говорящего проецировать привычные отношения и их вербальные способы выражения и на семейные ситуации. В случае носителя русского языка можно было бы говорить даже о своеобразной иронии, что сомнительно в случае мигранта, для которого русский язык неродной. Интересно отметить, что дальше в интервью мужчина упоминает, что он служил пограничником.

Пример (15) содержит глагольно-именное словосочетание «пошел на повышение»:

- (15) *«Он устраивался на одну должность, а потом **пошел на повышение**»* (М., Узбекистан)

Не только описываемая ситуация тесно связана с миром должностей и иерархии, но и само словосочетание принадлежит устной разновидности официального профессионального жаргона. В нейтральном варианте это звучало бы «получил повышение». Кажется, что словосочетание «пошел на повышение» не просто синтаксическая и стилистическая единица, это знак принадлежности к миру бюрократии, оно подобно некоторым словам, по которым узнают своего в достаточно закрытой сфере. О подобном феномене пишет Василий Аксенов в романе «Остров Крым». Его главный герой, Лучников, желая получить советский паспорт в посольстве в Париже, спрашивает знакомого функционера: «Есть ли какое-нибудь движение?». Сегодня в подобном случае говорящий использовал бы лексику «подвижки». На первый взгляд кажется, что употребленная лексема нейтральна, а современная принадлежит сленгу. Однако писатель сопровождает речевое поведение своего героя

лингвистическим комментарием, приписывая Лучникову языковую рефлексию: «Последнее выражение, типичное для современной совбюрократии³, было употреблено сейчас с максимальной точностью. Какое дивное в этот момент произошло соединение: господин говорит с товарищем на одном языке!» [Аксенов 2002: 34]. Можно предположить, что и единицы официально-делового стиля встречаются в речи мигрантов как вербальная реализация стремления соответствовать собеседнику-интервьюеру, олицетворяющему для них культурную среду, к которой надо приспособиться, в которой надо адаптироваться. Об этом своем желании они прямо заявляют:

- (16) *«Пытаемся **ужиться** в этой атмосфере, **адаптироваться** в московской настройке»* (М., Киргизия)

Среди стилистически маркированных именных лексем встречаются явные фавориты. Таково существительное «дискомфорт». Его употребление фиксируется в речи четырех респондентов-мужчин, разных по своему этническому происхождению:

- (17) *«Я не скажу что это было трудно но **дискомфорт** нанесли»*
(М., Узбекистан)

- (18) *«Некоторым **дискомфорт** доставляет»* (М., Таджикистан)

При этом если в примере (17) говорящий ошибочно употребляет глагольную форму «нанесли», то в примере (18) глагольно-именное словосочетание употреблено правильно в рамках официального дискурса, особенно если поменять инверсию на прямой порядок слов в глагольно-именном словосочетании. Но респондент не подозревает о возможной двоякой интерпретации его высказывания в устном общении: им не учтено сленговое значение глагола «доставлять». Это показывает, вероятно, лучшее знание мигрантами языковых единиц официального пласта по сравнению со сленгизмами, которые употребляются в основном молодежью. Эта возрастная ориентация на более взрослую группу носителей языка будет прослеживаться и в употреблении просторечия.

Настоящим чемпионом по частотности использования стала лексема «проживать». Она встречается в речи почти каждого респондента:

³ События происходят в 70-е годы XX века.

(19) *«И по 2014 там **проживала**»* (Ж., Узбекистан)

(20) *«Купили дом в Подмоскowie и там **проживают**»* (Ж., Украина)

В отличие от нейтрального «жить», лексема «проживать» свойственна канцелярскому стилю, употребляется в текстах делового, документального характера и в официальных ситуациях речевого общения, когда собеседниками оказываются представители милиции, жилищных учреждений. Это частый глагол в суде, при приеме на работу. В современном значении слово «проживать» и его активное употребление связаны с такими понятиями, как «прописка», «учет», «ЖЭК», то есть реалиями советской власти. После распада Советского Союза на смену прописке пришла регистрация, а глагол остался прежним. Его не рекомендуют использовать пособия по культуре речи, по стилистике. Интересно отметить, что в сознании образованного носителя русского языка данное слово одновременно принадлежит как канцелярскому стилю, так и просторечию. Однако описанные выше формальные ситуации — самые частотные в русскоязычной коммуникации трудовых мигрантов, поэтому оно превратилось в их визитную карточку.

«Всякая штампованная речь многословна. Ведь тот, кто пользуется истертыми штампами, говорит по инерции, спустя рукава, его внимание к каждому слову ослаблено, поэтому он так и сыплет словами-паразитами, словами-пустышками» [Чуковский 2004: 135]. Эта характерная черта людей, недостаточно образованных или далеких от красноречия, свойственна и речи мигрантов:

(21) И.: *Вы с ними разговариваете на русском языке или на своем?*

Р.: ***В частности** мы разговариваем на русском* (Ж., Киргизия)

Таким образом, единицы официально-делового стиля, лексемы и синтаксические конструкции, определяют стилистическую маркированность текста. По сравнению с другими ненейтральными единицами, их подавляющее большинство, единиц разговорно-просторечных значительно меньше.

3.2. Просторечие и разговорные лексемы в речи мигрантов

Второй по частотности составляющей стилистического микса мигрантов стало просторечие. Вероятно, эти единицы мигранты

наследуют от русскоязычных носителей просторечия, вследствие чего увеличивается численность носителей просторечия в современном мегаполисе. Под просторечием мы понимаем формы, лексемы и синтаксические конструкции, свойственные нелитературной разговорной речи, не соответствующие существующим литературным языковым нормам. Рассматривая современное состояние этой подсистемы литературного языка, Л. П. Крысин выделяет две ее разновидности: старую и молодую, просторечие-1 и просторечие-2 [Крысин 2000]. Носителями просторечия-1 являются, по мнению ученого, горожане старшего возраста, речь которых связана с территориальным диалектом, носителями просторечия-2 — горожане среднего и молодого возраста, не владеющие нормами литературного языка. Кроме возрастной дифференциации Л. П. Крысин выделяет и гендерную: просторечие-1 больше свойственно пожилым женщинам, а просторечие-2 — мужчинам.

Речь мигрантов сочетает в себе элементы этих двух типов просторечия, тяготея к первому. Использование предлога «с» вместо «из» с родительным места — самый частый феномен в речи носителей просторечия, свойственный обоим разновидностям. В анализируемых подкастах встретилось множество подобных словоформ: с Киргизии, с Сибири, с сел приезжают менее культурные, с университета дали бумаги, в январе месяце я с декрета вышла.

Некоторые единицы свидетельствуют о том, что мигрантам более знакомы лексемы просторечия-1. Таковы глагол «удумать», употребление существительного «зал» в значении «гостиная», обращение «уважаемый»⁴.

Грубо-просторечные лексемы, связанные с жаргонами или молодежным сленгом, гендерно ограничены, они встречаются только в речи мужчин:

- (22) *«Подходит пенсионный возраст должен оформлять пенсию за какие шииии он здесь работал последние 15, 20 лет, а потом уехал в Таджикистан и как ему там оформить пенсию?»*
(М., Таджикистан)

При этом пример (22) — фрагмент речи таджика, в остальном тексте демонстрирующего образец юридического дискурса, знание

⁴ Правда, последняя лексема встречается только в речи двух респондентов мужского пола.

не только подводных камней оформления документов, но и специальной лексики, обозначающей описываемые процедуры.

(23) «*Такие люди вопрос задаёшь — **затыкаются***» (М., Киргизия)

Не все респонденты осознают стилистическую принадлежность употребляемой единицы, как в примере (23). Однако встречаются и те, кто сопровождает использование просторечной единицы комментарием:

(24) «*Некоторые прямо говорят вы — вообще нехорошее слово — **офигели***» (М., Киргизия)

Разговорно-обиходных единиц в подкастах мигрантов оказалось совсем немного:

(25) «*Не верят начинают бизнес и раз ему **ломают башку** налогами или еще чем*» (М., Киргизия)

(26) «*Раньше с сыщиками **бардак** был, сейчас с **ментами** это есть*» (М., Таджикистан)

(27) «*Ее тоже **достало***» (Ж., Молдова)

4. Заключение

Нельзя недооценивать ту роль, которую играют трудовые мигранты в жизни современного мегаполиса, компенсируя недостаток работников определенных категорий. Среди респондентов, как и среди всей совокупности трудовых мигрантов, большинство занято малоквалифицированным трудом: это водители такси, работники жилищно-коммунального хозяйства и т. п. Их занятость определяет их коммуникативную активность, их языковые контакты регулярны и многочисленны. Поэтому очевидно влияние их идиолектов на языковую ситуацию в Москве. Мигранты же, в свою очередь, совершенствуют свои навыки в русском языке в ежедневном общении. Реальная коммуникация — один из важнейших факторов формирования варианта русского языка трудовых мигрантов Москвы.

Даже поверхностный анализ подкастов их интервью показывает, что актуальные жизненные ситуации, связанные с оформлением документов, — заполнение анкет, общение с чиновниками

УФМС, — влияют на лексический состав их речи, обеспечивают господство официальных лексем среди стилистически маркированных единиц.

В повседневном общении (и это, наверное, показали бы более неформальные ситуации) мигранты становятся носителями просторечия, несмотря даже на встречающийся высокий уровень образования некоторых респондентов. Это происходит, по-видимому, из-за того, что их социальный статус в Москве относительно низок и круг общения состоит в основном из малообразованных носителей русского языка.

Речевое поведение респондентов во время интервью лишь условно можно назвать свободным. Языковой анализ показывает, что оно откровенно комплиментарное по отношению к интервьюеру. Не случайно от четырех респондентов интервьюер услышал запомнившийся им слоган: «Россия — щедрая душа». Вследствие подобного речевого поведения нужно осторожно относиться к содержательным результатам опроса, не всегда соответствующим реальному положению дел.

Литература

- Аксенов 2002 — В. П. Аксенов. Остров Крым. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. [V. Aksenov. Ostrov Krym. [The Island of Crimea]. Moscow: EKSMO-Press, 2002.]
- Барышникова 2014 — Е. Н. Барышникова. Русский тест для мигрантов. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2014. № 3, С. 125–130. [E. N. Baryshnikova Russkii test dlia migrantov [A Russian test for migrants]]. Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Serii: Russkii i inostrannye iazyki i metodika ikh prepodavaniia. 2014. No. 3. P. 125–130].
- Баранова 2012 — В. В. Баранова. Языковая социализация детей мигрантов. Антропологический форум. 2012. № 17. С. 157–172. [V. Baranova. Iazykovaia sotsializatsiia detei migrantov. [Language socialization of the children of immigrants]. Antropologicheskii forum. 2012. No. 17. P. 157–172].
- Винокур 1980 — Т. Г. Винокур. Закономерности стилистического использования языковых единиц. М.: Наука, 1980. [T. G. Vinokur. Zakonomernosti stilicheskogo ispol'zovaniia iazykovykh edinit [The pattern of stylistic usage of language units]. Moscow: Nauka, 1980].

- Клобукова 2015 — Л. П. Клобукова. Комплексный экзамен по русскому языку, истории России и основам законодательства РФ: концепция и научно-методическое сопровождение. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. Выпуск № 4 (18). С. 72–75. [L. P. Klobukova. Kompleksnyi ekzamen po russkomu iazyku, istorii Rossii i osnovam zakonodatel'stva RF: kontseptsii i nauchno-metodicheskoe soprovozhdenie. [The complex exam on the Russian language, Russian history and the basics of Russian law: the concept and methodological assistance] Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia. 2015. Vypusk No. 4. P. 72–75.]
- Козьменко 2014 — В. М. Козьменко. Комплексный экзамен для иностранных граждан по русскому языку, истории России и основам законодательства РФ как важный фактор их социокультурной адаптации. Вестник РУДН. Серия История России. 2014. №3. С. 138–145. [V. M. Koz'menko. Kompleksnyi ekzamen dlia inostrannykh grazhdan po russkomu iazyku, istorii Rossii i osnovam zakonodatel'stva RF kak vazhnyi faktor ikh sotsiokul'turnoi adaptatsii. [The complex exam for foreign citizens on the Russian language, history of Russia and the basics of Russian law as an important factor of their social and cultural adaptation]. Vestnik RUDN. Seriya Istoriia Rossii. 2014. No. 3. P. 138–145.]
- Колтунова 2003 — Е. А. Колтунова. О стилистических пометах в словарях современного русского языка. Studia Rossica Posnaniensia. 2003. Vol. XXXI. С. 121–128. [E. A. Koltunova O stilisticheskikh pometakh v slovarkh sovremennogo russkogo iazyka [On the stylistic commentaries in the dictionaries of modern Russian]]. Studia Rossica Posnaniensia. 2003. Vol. XXXI. P. 121–128].
- Крысин 2000 — Л. П. Крысин. О некоторых изменениях в русском языке конца XX века. Исследования по славянским языкам. 2000. № 5. С. 63–91. [L. P. Krysin. O nekotorykh izmeneniiakh v russkom iazyke kontsa XX veka. [On some changes in the Russian language at the end of the XX century] Issledovaniia po slavianskim iazykam. 2000. No. 5. P. 63–91].
- Литневская 2010 — Е. И. Литневская. Стилиевая неоднородность текста как норма, коммуникативная неудача, языковая игра и примета идиостиля. Мир лингвистики и коммуникации. 2010. № 4 (21). [E. I. Litnevskaiia. Stilevaia neodnorodnost' teksta kak norma, kommunikativnaia neudacha, iazykovaia igra i primeta idiostilia. [The stylistic heterogeneity of text as a norm, a communicative failure, a language game and a feature of the author's individual style]. Mir lingvistiki i kommunikatsii. 2010. No. 4 (21)].
- Панов 2004а — М. В. Панов. Позиционные отношения в стилистике. В кн.: Труды по общему языкознанию. Т. I. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 30–35. [M. V. Panov. Pozitsionnye otnosheniia v stilistike.

- [Positional relationships in stylistics]. In: Trudy po obshchemu iazykoznaniiu. Vol. I. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2004. P. 30–35].
- Панов 2004б — М. В. Панов. О стилях произношения (в связи с общими вопросами стилистики) // Труды по общему языкознанию. Т. I. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 103–136. [M. V. Panov. O stiliakh proiznosheniia (v sviazi s obshchimi voprosami stilistiki). [On pronunciation styles (in connection with the general questions of stylistics)] // Trudy po obshchemu iazykoznaniiu. Vol. I. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2004, P. 103–136].
- Халютинa 2014 — М. Е. Халютинa. Функционально-стилистическая неоднородность научной речи востоковедов. Автореферат дисс. М., 2014. [M. E. Khaliutina. Funktsional'no-stilisticheskaiia neodnorodnost' nauchnoi rechi vostokovedov. Avtoreferat diss. [Functional and stylistic heterogeneity of scientific speech in Oriental science. Dissertation summary]. Moscow, 2014].
- Чуковский 2004 — К. И. Чуковский. Живой как жизнь: О русском языке. М.: КДУ, 2004. [K. I. Chukovskii. Zhivoi kak zhizn': O russkom iazyke. [Lively as the life: On the Russian language]. Moscow: KDU, 2004].
- Florinskaya 2018 — Iu. F. Florinskaia. Employers and Foreign Migrants in the Labor Markets of Major Russian Cities: Interactions in a New Economic Reality. Studies on Russian Economic Development. 2018. March. Vol. 29. Issue 2. P. 217–224.
- Gillespie 1991 — R. Gillespie. Press. Manufacturing knowledge: a history of the Hawthorne experiments. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.